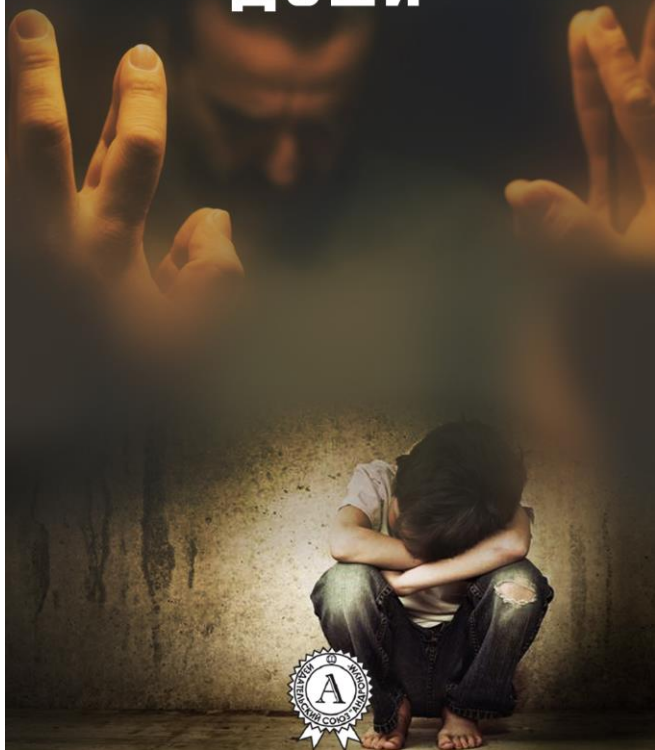


АЛЕКСЕЙ ХАПРОВ

**АНОМАЛИЯ
ДУШИ**



Эта история началась с банального курортного знакомства.

Главный герой романа встречается во время отдыха на море интеллигентную, симпатичную женщину. Его давно уже тяготит одиночество, и он решает соединить с ней свою жизнь. Он переезжает к ней, но тут при весьма странных обстоятельствах пропадает маленький сын его будущей супруги. Обращение в милицию результата не даёт, и главный герой решает сам взяться за поиски. В конечном итоге ему удаётся разгадать тайну исчезновения ребёнка. Но разгадка эта оказывается поистине чудовищной.

Алексей Хапров

Аномалия души

Глава первая

Всё началось в Гаграх.

Игравшие барашками волны поочерёдно накатывали на берег, обдавая меня множеством мелких брызг. Они шлёпались, волоча за собой покрывавшие дно, точно булыжную мостовую, камешки гравия, после чего замирали и, спустя какое-то мгновение, тащили гравий обратно в морской простор. В небе кружились чайки. Они громко кричали, металась из стороны в сторону и зорко высматривали, не блеснёт ли в воде потенциальная добыча.

Я лежал на старом потёртом покрывале и, наслаждаясь витавшим в воздухе неповторимым ароматом моря, обсыхал после очередного купального захода. Вдруг до меня донеслось:

— Простите, вы здесь давно?

Я открыл глаза и, сощурившись от ударившего в них солнца, повернул голову. На меня с располагающей улыбкой смотрела высокая стройная длинноволосая брюнетка в ярко-красном купальнике. Она сидела на коленях и надувала резиновый матрац. Похоже, она только что пришла.

Несмотря на то, что её глаза закрывали большие полужеркальные солнцезащитные очки, в них отчётливо улавливался неподдельный, чисто женский интерес, несколько не уродовавший читавшуюся на её лице интеллигентность.

— Сегодня на пляже или вообще в Абхазии? — уточнил я.

— В Абхазии, — ответила она.

— Второй день. А что?

— Да так. Я первый. Утром приехала, нашла пристанище, немного отдохнула — и сюда. Получается, мы с вами новички. Или, говоря языком местных туристических деятелей, свеженькие.

— Угу, — буркнул я и, обведя глазами её статную фигуру, снова покосился на матрац.

— О, нет, вы не думайте, — улыбнулась моя собеседница, проследив за направлением моего взгляда, — я умею плавать. Это я взяла, чтобы было на чём лежать. Без подстилки, знаете ли, неудобно. Пляж, всё-таки, галечный, а не песчаный.

— Да, немного карябает, — согласился я и принял прежнюю позу.

Через некоторое время шум прибоя пронзил кокетливый визг. Я снова разомкнул веки. Брюнетка стояла по пояс в воде и, съёжившись, закрывалась руками от налетающих на неё волн. Выдержав три или четыре атаки, она развернулась и

бросилась обратно на берег. Блестевшие на её коже капли придавали её телу некоторый шарм. Я невольно скосил глаза.

— Давно не была на море, — восторженно воскликнула брюнетка, проходя мимо меня. — Привыкла отдыхать на озере. Там тишь да гладь. А здесь всё кипит, всё бурлит.

Незнакомка сняла очки, и я смог рассмотреть её глаза. Они были глубокие, тёмно-карие, и выражали какую-то едва уловимую грусть. Наклонившись к свёрнутому возле матраца пакету, она вытащила оттуда полотенце и, закинув его за спину, принялась себя растирать. Я отметил, что в её движениях присутствует что-то завлекающее.

— Меня зовут Наталья. А вас?

Лежавшая неподалёку толстая старушенция с газетным клочком на носу, которую я невольно окрестил про себя Тортиллою, оторвалась от толстого романа и посмотрела на брюнетку с нескрываемым укором, очевидно усмотрев в её поведении нечто, идущее вразрез с нормами нравственности, апологетом которых она, наверное, себя мнила.

— Сергей, — ответил я.

— Серёжа? — промурлыкала брюнетка. — Красивое имя. Из каких вы краёв?

— Из Брянска.

— О-о-о, — обрадовалась она. — Да мы с

вами соседи. Город Навалинск (*город придуман автором. — прим. авт.*) . Слыхали?

— Слышал, — оживился я.

— Тогда почему вы так далеко расположились? — кокетливо подмигнула моя собеседница. — Придвигайтесь. Вдвоём отдыхать веселее.

«Тортилла» осуждающе крикнула. Её маленький рот искривился в беззвучной гримасе возмущения. Она демонстративно повернулась к нам спиной и снова уткнулась в книгу.

Холостое положение давало мне полную свободу действий. Поэтому я, недолго думая, поднялся на ноги, взял своё покрывало, и расстелил его рядом с матрасом брюнетки, абсолютно не предполагая, что это невинное, на первый взгляд, курортное знакомство очень скоро перерастёт в роман и станет началом целой цепи загадочных и страшных событий, которые мне доведётся пережить...

Глава вторая

Спокойная, синеватая гладь озера Рица поражала своей прозрачностью и чистотой. Покрытое табунами диких, белогривых облаков небо отражалось в ней, точно в зеркале. Вокруг, словно часовые, вздымались горбатые спины мягко

очерченных зелёных вершин. Плотно произраставшие на них ели производили впечатление огромного, неровно уложенного, ковра.

— Какая красота! — восхищённо прошептала Наталья, и зачарованно покачала головой.

— Не красота, а красотища! — поправил её экскурсовод, пожилой, немного сутулый, костлявый абхазец. — Почти первозданная природа. Это озеро было найдено сравнительно недавно, в начале прошлого века. Загадать его ещё не успели. Почти две тысячи метров над уровнем моря. Чувствуете, какой свежий воздух?

— Чувствуем, — отозвался я.

— Погуляйте. Покатайтесь на лодке. Вон в том кафе можете отведать свежую форель. Её зажарят прямо на ваших глазах. Вкусно. Пальчики оближете. Так её вам больше нигде не приготовят. Короче, отдыхайте. Ну а через час прошу обратно к машине. Поедем назад.

Мы взяли с Натальей за руки и неспеша зашагали вдоль берега.

— Ну как? — спросила меня моя спутница. — Не жалеешь, что послушали эту тётку?

— Нисколько, — ответил я. — Такой дивности я не ожидал.

Совершить это путешествие нас надоумили в кафе, куда мы накануне заходили поужинать.

— Это самое красивое место во всей Абхазии, — настойчиво убеждала нас официантка. — Съездите. Вам понравится.

Заинтригованные её рассказом, мы тут же заглянули в располагавшееся неподалеку турагентство и, действительно, оказались не разочарованы. Пейзаж, представший нашим глазам, был настолько великолепен, что мы начисто забыли обо всём на свете. Даже о неприятном присутствии «Тортиллы», той самой вредной старухи, что стала свидетельницей нашего знакомства на пляже. Она также записалась на эту экскурсию. Когда мы увидели в автобусе её кислую, брюзгливую мину, из нас непроизвольно вырвался тяжкий вздох. Заметив нас, старуха тут же приняла образ оскорбленной добродетели. Но мы отвернули головы, и на всём протяжении пути не удостоили её ни единым, даже самым мимолётным, взглядом.

Моя пляжная знакомая оказалась прекрасной собеседницей. Она не относилась к категории болтушек, которые обожают задавать нескончаемые вопросы личного характера, и рассказывать бесчисленные истории о себе. В ней всего было в меру: и любопытства, и разговорчивости. Она умела излагать, но умела и слушать. Она была эрудированна, начитана, не капризна. Мне было с ней интересно и хорошо. При сравнительно невзрачной внешности в ней

присутствовало бесспорное обаяние. От неё словно исходили некие магнетические флюиды. Несмотря на то, что мы знали друг друга всего второй день, я уже проникся к ней симпатией и держал себя так, как будто мы дружили уже много лет.

— Как мне порой хочется забросить всю эту чёртову торговлю, продать кому-нибудь этот проклятый магазин, поселиться в каком-нибудь тихом, безлюдном месте, наподобие этого, и просто жить, жить и жить! — мечтательно вздохнула моя спутница, когда мы доплыли на лодке до середины озера. — Просто жить и получать от жизни удовольствие.

— Торговлю? — вскинул брови я. — Ты хочешь сказать, что ты занимаешься торговлей?

— Да, занимаюсь, — ответила Наталья. — А разве в этом есть что-то плохое?

— Да нет, конечно же нет, — как бы оправдываясь, усмехнулся я. — Просто по тебе этого не скажешь.

Внутренний мир моей пляжной знакомой действительно трудно было соотнести с понятием «бизнес-леди». Романтичность её природы, развитость чувства прекрасного никак не вписывались в укоренившийся в моём сознании образ преуспевающей мадам. В моём представлении деловая женщина непременно должна была быть жёсткой, решительной,

напористой. А в Наталье этих качеств не наблюдалось.

— Ты больше похожа на учительницу музыки, чем на предпринимательницу.

— А я раньше ею и была, — улыбнулась она. — Но жизнь заставила перестроиться.

Я всё ждал, когда она начнет интересоваться моим житьём-бытьём. И ждал, признаться, с опаской. Врать не хотелось. А говорить правду удовольствия не доставляло. Ведь похвастать мне было нечем. Я работал простым бухгалтером в небольшой строительной фирме. Получал весьма скромную, да к тому же ещё и нерегулярно выплачиваемую, зарплату. За мной не числилось ни машины, ни собственной квартиры. Дожив до тридцати с лишним лет, я по-прежнему продолжал обитать вместе с родителями, ездить на общественном транспорте, и тешить себя надеждами, что когда-нибудь у меня всё будет хорошо.

Но Наталья таких вопросов не задавала. То ли она уже всё по мне поняла, то ли ей на это было наплевать. Она предпочитала затрагивать более романтические, более прекрасные, более возвышенные темы, чем простая, обыденная, рутинная действительность. И я, признаться, был ей за это благодарен...

Ново-Афонские пещеры, — ещё одна местная достопримечательность, — заставляли ёжиться от царившей в них прохлады. Я с сожалением подумал об оставшейся в моей дорожной сумке толстовке, которую я откровенно поленился взять с собой, хотя мне это настойчиво рекомендовали.

— Температура воздуха — пятнадцать градусов по Цельсию. Влажность — сто процентов, — торжественно объявил наш провожатый, и знаком пригласил следовать за собой.

Внизу просматривался водоём. Его мутная зыбь отражала свет тусклых электрических фонарей, развешанных по ходу всего маршрута.

— А рыбы здесь водятся? — поинтересовался кто-то.

— Нет, — снисходительно изрёк экскурсовод. — Здесь живут только микроорганизмы. Людям они не опасны. Так что можете чувствовать себя спокойно.

Аккуратно поддерживая друг друга, мы стали осторожно спускаться по неровным ступенькам. Вокруг переливалось многоголосое эхо.

— Как-то здесь мрачно, — тихо проговорила моя пляжная знакомая. — А эти пещеры не могут рухнуть?

— Разве только при сильном землетрясении, — рассмеялся я. — Но оно сегодня,

вроде, не ожидается.

Мы стали рядом. Наталья сжала мою руку. Я посмотрел ей в глаза. Меня охватило недвусмысленное желание особенного. Щёки предательски запылали. Моя спутница подалась вперёд и прижалась к моему плечу. Я склонил голову, и через секунду наши губы слились в горячем, страстном поцелуе...

Престарелая хозяйка дома, в котором квартировала моя пляжная знакомая, смотрела на нас с плохо скрываемым озорством.

— Вот, случайно встретила давнего приятеля, — «заливала» моя спутница, — а вы говорили, что у вас, вроде, есть свободная комната на двоих.

— Давнего? — переспросила та, и, едва сдерживая смех, отвела взгляд. — Ну, если давнего, то ладно уж, занимайте.

Это была восхитительная ночь. Мы словно купались в море наслаждений, волны которого наполняла чувственная страсть.

На мой подбородок легла тонкая, нежная ладонь. Трепетные пальцы провели по губам. В ухе раздался шёпот:

— А почему бы тебе не поехать со мной? Побудешь у меня в гостях. Посмотришь на мой дом, на моё хозяйство. Понравится — останешься.

Не понравится — уедешь.

Перед моими глазами замелькали манящие пейзажи: залитая солнцем берёзовая роща, испещрённый цветами луг, журчащий ручей. Послышалось разноголосое пение птиц, звонкие крики петухов, флегматичное мычание коров. В моём воображении нарисовались огромные хоромы с множеством обрамлённых фигурными наличниками окон. Узорчатая резная дверь распахнулась, и на пороге, словно источая собою свет, возникла одетая во всё белое Наталья. Она ласково улыбнулась и протянула мне крынку исходящего паром молока.

Я призадумался. А может это судьба?...

Глава третья

— Внушительное гнёздышко! — восхищённо поцокал языком я, выйдя из машины, и оглядев возвышавшийся за забором большой деревянный дом. Своим размахом он, конечно, уступал тем хоромам, что рисовались в моих мечтах, но впечатление тем не менее производил неплохое.

— Внушительное — не внушительное, а жить можно, — заметила Наталья. — Простору хватает. Как-никак, сто двадцать квадратов плюс чердак и подвал. Мужика вот только в нём нет. Даже забор поправить некому. Видишь, как покосился?

Мы вытащили из багажника наши дорожные сумки, расплатились с таксистом и вошли через калитку во двор. Тишину прорезал злобный, залиvistый лай. Я от неожиданности даже вздрогнул. Сдерживаемая закреплённой у будки цепью огромная овчарка, обнажив клыки, яростно рвалась ко мне.

— Нигер, фу! — прикрикнула на неё хозяйка. — Я сказала, фу! Это свои!

Пёс послушно умолк. Наталья подошла к нему и потрепала по холке. Нигер приветливо завилял хвостом.

— Соскучился, мой маленький! Соскучился, мой сладенький! Не переживай. Я теперь долго никуда не уеду.

Я сделал шаг вперёд. Кобель перевёл взгляд на меня и угрожающе зарычал.

— Проходи, проходи, — придержала его Наталья. — Он тебя не тронет. Он у меня умница. Ему просто нужно к тебе привыкнуть. Он уже пять лет у меня живёт. Я его маленьким щенком подобрала. Кто-то подкинул. С тех пор вон какой вымахал. Предан до невозможности.

— А почему Нигер? — поинтересовался я.

Хозяйка пожала плечами.

— Так, просто пришло на ум. К тому же здесь есть буква «р». А собаки, насколько я знаю, любят такие клички.

Я поднял сумки и поднёс их к крыльцу.

Погладив пса и почесав его за ушами, Наталья подошла ко мне, достала ключ и отперла дверь.

— Прошу.

Я поднялся по ступенькам, перешагнул через порог, и очутился в светлых, просторных сенях. В мои ноздри ударил приятный фруктовый аромат, исходивший от сушившихся на подоконнике полос яблочной пастилы.

— Располагайся, переодевайся. А я к брату пока наведу. Узнаю, какие тут дела.

Хозяйка вышла. Я же, облачившись в предложенные мне мягкие пушистые тапки, прошёл внутрь.

Назвать представшую моим глазам обстановку шикарной было нельзя. Впрочем, бедной тоже. Излишеств не наблюдалось. Но всё необходимое присутствовало.

Комнат было четыре. Первая дверь вела в кухню, вторая — в гостиную, четвёртая — в спальню. Что касается третьей, то её назначение осталось мне неизвестным, ибо она была заперта.

Все комнаты располагались по левой стороне в ряд, между собой не сообщались, и выходили в длинный, тянувшийся через весь дом, коридор.

Я зашёл в гостиную, переоделся, уселся на диван и включил телевизор. Перебрав пультом все принимаемые здесь каналы, — их оказалось

немного, — я решил остановиться на каком-то комедийном шоу. Но, поглядев его с десятков минут, почувствовал, что меня начинает клонить ко сну.

Из полудрёмы меня вывел стук входной двери. Я открыл глаза и выпрямился. В проёме показалась Наталья.

— Ну как, нравится? — спросила она, делая круговое движение рукой.

— Нормально, — ответил я.

Хозяйка приветливо улыбнулась и принялась распаковывать свою дорожную сумку.

— Сейчас разберусь с вещами и соберу на стол. Угощу тебя салатом из свежих овощей. Тех, что с огорода, а не с рынка. У них вкус совсем другой, уж поверь. На остальное, правда, полуфабрикаты. Уж не обессудь. Готовить нет сил. Дорога есть дорога. Но завтра всё будет по-домашнему. Это я тебе обещаю.

— Да я не в претензии, — улыбнулся я.

После обеда мы наведались в Натальин магазин. Ей очень хотелось мне его показать. Он располагался на другом конце города. Пока мы ехали, я, не переставая восхищаться, как ловко моя спутница выруливает на своей «Шевроле-Ниве», обозревал виды Навалинска.

Городок, в который меня занесла судьба, являл собой типичный образчик лишённого какой-либо исторической значимости районного

центра. Явное преобладание частного сектора, серые стандартные пятиэтажки, узость и однообразие улиц, неровность и разбитость дорог, статная, нёсшая в себе печать приверженности давно ушедшей старине, церковь — вот практически полный перечень имевшихся в нём достопримечательностей.

Магазинчик оказался небольшим. Он был встроен в первый этаж жилого дома и имел вход с торца.

— «ИП Буцынская Н.М. Гастроном. Часы работы: 8.00–22.00 без перерывов и выходных», — прочёл я на висевшей над входом табличке. — Ты его арендуешь, или это твоя собственность?

— Раньше арендовала, но год назад выкупила, — ответила Наталья.

Её лоб нахмурился, брови свелись к переносице, а лицо приобрело властное, надменное выражение.

— Не удивляйся сейчас моему поведению, — предупредила она. — Персонал нужно держать в ежовых рукавицах. Иначе он разболтается.

Моя спутница решительно открыла дверь. Я последовал за ней.

— Здравствуйте, — угодливо засуетились стоявшие за прилавками продавщицы.

— Карасёва на месте? — командно осведомилась Наталья, проигнорировав

обращённые к ней приветствия.

— На месте, Наталья Михайловна, на месте.

Мы направились в подсобку. Моим глазам предстала тесная, тускло освещённая каморка с каким-то невероятным нагромождением разнообразных коробок, ящиков, банок, и прочей другой тары. В её углу, за крошечным письменным столом, восседала полная рыжеватая дама с маленькими круглыми глазками и румяными, выпиравшими наружу, щеками. Заметив нас, она оторвалась от разложенных перед ней накладных, резво вскочила со стула и с любопытством покосилась на меня.

— Здравствуйте, Наталья Михайловна. С приездом. Как отдохнули?

— Хорошо отдохнула, — сухо ответила моя спутница. — Что у нас с товарными запасами?

Карасёва суетливо схватила какой-то журнал.

— Кондитерские изделия не мешает пополнить. Пряников остался всего один ящик. Печенья и того меньше. Карамелек нет вообще. Всё разобрали. По бакалейной группе движение слабое. По алкоголю, как это ни странно, тоже. А вот Владимирские колбасы, которые мы брали на реализацию, пошли. Народ их охотно покупает. Хорошие. Вкусные. Сама пробовала...

Я взирал на свою курортную знакомую и никак не мог избавиться от нашедшего на меня

изумления. Такого перевоплощения я не ожидал. От учительницы музыки в ней не осталось и следа. Это была самая настоящая «Businesswomen».

— Да, чуть не забыла, налоговики опять наведывались, — всплеснула руками Карасёва. — Снова нашли, к чему придраться.

Далее последовал красочный рассказ о визите проверяющих, в котором принимало участие всё тело товароведши. Каждая произносимая ею фраза сопровождалась определённым жестом. Я так до конца и не понял, в чём заключалась его суть, но уяснил, что Карасёва была страшно недовольна. В своём возмущении она распыхтелась так, что стала напоминать наседку, которую согнали с высиживаемых ею яиц.

Наталья молча кивала головой и задумчиво смотрела куда-то в сторону.

Вспотев от стоявшей в «подсобке» духоты, я знаком показал своей спутнице, что подожду её снаружи.

Когда я вышел в торговый зал, в меня тут же впились несколько пар донельзя любопытных глаз. Продавщицы явно пытались вычислить, что я за птица, и в каком пребываю качестве. Я смутился. Стремясь скрыть волнение, я нарочито замедлил шаг и приподнял голову. До меня донеслись старательно сдерживаемые смешки. Я покраснел и шагнул на улицу.

Похоже, меня восприняли здесь Альфосом. Вот он — побочный эффект дружбы с обеспеченной мадам.

Наталья появилась через полчаса.

— Завтра утром придётся ехать на базу, — вздохнула она, заводя мотор. — Но тебе со мной тащиться не обязательно. Отдохни, погуляй, сходи в лес, подыши чистым воздухом. Только вправо у развилки не сворачивай. Там Любавина топь. Место нехорошее. Его лучше избегать...

Глава четвертая

Хозяйка уехала с первыми петухами, едва забрезжил рассвет. Сквозь пелену сновидений до меня доносились суэта в прихожей и стук посуды на кухне. Подсознание настойчиво призывало меня подняться, но дьявольская сила Морфея всё же оказалась сильнее. Преодолеть её я смог лишь только в одиннадцатом часу.

Я открыл глаза, зевнул, потянулся и посмотрел на окно. За неплотно прикрытыми шторами проглядывала пасмурная хмурица.

Я спрыгнул с кровати, застелил постель, принял душ, позавтракал, оделся и, приветливо подмигнув слегка порывкивающему на меня Нигеру, вышел за калитку. Вдохнув полной грудью, я огляделся по сторонам и, решив последовать

вчерашнему совету мой курортной знакомой, направился к видневшемуся вдалеке лесу.

Идти было приятно. Царила прохлада. Навстречу дул мягкий, освежающий ветерок. Оживлённо чирикали воробьи. Широко раскинув крылья, они купались в придорожной пыли. Где-то в стороне гремела музыка. Сидевшие на лавочках старушки с интересом смотрели на меня и о чём-то тихо перешёптывались.

Дойдя до конца улицы, я увидел старую, покосившуюся хибару. Она стояла последней в правом ряду домов, и была как бы от них отделена: расстояние между ней и соседней избой заметно превышало обычное.

«Наверное, здесь никто не живёт», — подумалось мне.

Но это оказалось не так. В маленьком, покрытом паутиной, окошке мелькнуло чьё-то лицо. Его черты я не рассмотрел. Но на выражение глаз внимание обратил. Они были злыми и колючими. Меня передёрнуло. Я резко отвернулся и ускорил шаг.

Мой путь продолжился по широкой грунтовой дороге, по обе стороны которой простирались казавшиеся бескрайними поля. Левое поле было голым, пустым. Видимо, в этом году оно «отдыхало». Правое усеивали початки кукурузы.

За полями дорога раздваивалась и

расходилась в разные стороны. Далее начинался лес.

Мои уши наполнило залиvistое пение птиц. Их многоголосый, нестройный хор походил на торжественную оду. Пернатое братство словно приглашало меня в свои владения.

Мимо промелькнула белка. Она промчалась столь стремительно, что я успел рассмотреть только её пушистый рыжий хвост.

Мой взгляд упал на кусты ежевики. Я нагнулся, собрал пригоршню ягод и отправил их в рот. Они оказались удивительно сладкими и приятными на вкус. Я от удовольствия даже воздел глаза к небу.

Впереди показался огромный валун. За ним начиналась тропиначная развилка. «Прямо, как в сказке, — подумал я. — Налево пойдёшь — счастье найдёшь, направо пойдёшь — коня потеряешь».

Памятуя о вчерашнем наказе Натальи, я взял влево. Болот действительно лучше избегать.

Сначала всё было хорошо. Заполнявшие пространство берёзы, осины, ольха заряжали бодростью и придавали сил. Но, углубившись в чащобу, я вдруг обнаружил, что окружавший меня пейзаж стал приобретать иные очертания: лиственница исчезла, господством завладели сосны. Они смыкались всё теснее и теснее, и безжалостно, точно задавшись целью превратить мою одежду в

лохмотья, карябали меня своими колючками. Земля посырела. Её поверхность потеряла ровность и стала какой-то бугристой. В воздухе повеяло запахом перегретого пара. Дорожка запетляла между узких, продолговатых впадин. На дне одной из них просматривалась какая-то спираль. Я пригляделся. Это была насквозь проржавевшая колючая проволока. Меня пронзила догадка: да это же окопы! Наверное, они остались здесь ещё со времен войны.

Птичий гомон стих. Вокруг воцарилась мёртвая тишина, в которой едва улавливался шёпот гулявшего по кронам деревьев ветра. Моего благодушия поубавилось. Лес не казался мне уже таким дружелюбным, как в самом своём начале. Мне стало неудобно. Меня обуяла тревога. Мне почудилось, что надо мной витает нечто зловещее. Дойдя до старой поваленной сосны, я повернул обратно.

Чем ближе виднелись поля, тем яснее становилось у меня на душе. Туманившая её тягостная аура постепенно теряла свою силу. За границей лесного сумрака в меня точно плеснуло жаром. Небо прояснилось от облаков, и воздух наполнила изнуряющая духота. Путь домой получился утомительным. Когда я поравнялся со стоявшей на отшибе хибарой, с моего лба градом струился пот. Ненароком бросив на неё свой взгляд,

я увидел одетую во всё чёрное дряхлую, сгорбленную старуха. Её узкое, сухое лицо имело мертвенную бледность. Старуха стояла у забора и обирала примыкавший к нему смородиновый куст. Рядом с ней маячила маленькая девочка лет семи — восьми. Она была какой-то не по-детски серьёзной. В ней начисто отсутствовала та живость, тот озорной огонёк, та непосредственная беззаботность, которые обычно бывают свойственны детям.

Словно почувствовав на себе мой взгляд, старуха повернула голову. Я поспешно отвёл глаза. Мне не хотелось показывать ей своё внимание.

Пренеприятная особа. Вылитая ведьма!..

— А она и есть ведьма, — усмехнулась Наталья, когда я, вернувшись домой, поведал ей впечатления от своей прогулки. — Это же Гоманчиха. У неё издавна такая репутация. С ней никто не связывается. От неё предпочитают держаться подальше. Её даже в магазине без очереди пропускают, лишь бы она побыстрее убралась восвояси.

— Вот как! — изумлённо вскинул брови я. — И чем же она заслужила столь мрачный титул?

— Это длинная история. Расскажу как-нибудь потом.

— А про болото тоже расскажешь потом? — не отставал я. — Что в нём такого особенного? Чем оно так опасно? Почему туда не стоит ходить?

Моя курортная знакомая вздохнула.

— Народу там погублено немало. Говорят, что по ночам там бродят призраки. Души тех, кто в трясине погребён, но надлежащим образом не захоронен. И если с ними встретиться, они запросто могут за собой увлечь.

— И ты во всё это веришь? — рассмеялся я. — По-моему, это просто сказки для маленьких детей.

— Сказки — не сказки, а люди оттуда, случилось, не возвращались, — понизила голос Наталья. — Да и видок там жутковатый. Прямо, как в преисподней. Я там бывала.

— Зачем же ты туда ходила?

— За клюквой. Те места клюквой богатые.

— А почему их именуют Любавиной топьью?

— По имени разбойницы, что в её окрестностях промышляла. Здесь целая легенда...

Давным-давно, в старые незапамятные времена, когда Русью правили ещё Великие князья, жила в местной деревушке крестьянская девка по имени Любава. Неизвестно, чем умилостивили Господа Бога её родители, но дочь у них получилась на загляденье. Стройная, голубоглазая, белокурая. Как начинала говорить — рядом словно журчал ручей. А как косу свою распускала — иначе как Богиней не назовёшь. Жила Любава матери и

отцу на радость, но так получилось, что заметил её как-то местный помещик Архип Кудрин. А как заметил, так с первого же взгляда и пленился. Думать больше ни о чём не мог, только лишь по ней одной вздыхал. Помучился он, помучился, да решил власть употребить. Девка то была крепостная. Повелел он Любаве идти к нему в услужение. Та всей душой воспротивилась. Не прельщала её участь постельной служанки у толстого, противного старика. Но как хозяйина слушаешься? И решила она податься в бега. Ночью, с благословения родителей, выскользнула из хижины, и в лес подалась.

Осерчал Архип Кудрин. В такое бешенство впал, в каком его отродясь не видывали. Отца Любавы насмерть плетью запарол. Брата меньшого, несмотря на его юный возраст, солдатом в дружину определил, где тот погиб в первом же бою.

Потеряв в одночасье всех своих близких, мать Любавы лишилась рассудка и вскорости померла. Обозлилась Любава. Сковал её сердце лёд. В душу проникла лютая стужа. И решила она на страшную месть. Мечь за жизнь свою погубленную, и за семью, невинно убиенную. Мечь всем, всему миру, всему свету.

Первым от её руки пал, конечно, Архип Кудрин. Подкараулила она его как-то в лесу, когда

он мимо в своей повозке проезжал, вышла из-за деревьев, и давай глазками играть, за собой увлекая. Архип на наживку клюнул. Кровь забурлила, страсть в самую голову вознеслась. Приказал он вознице коней остановить, на землю соскочил — и к Любаве. Та от него, игриво хохоча — в лес. Он следом за ней. Догнал её у болота и руки довольно потирает. Ну что, мол, попалась, птичка? Теперь никуда не уйдёшь. Вечно будешь моей невольницей. Да не учел купец, что перед ним уже не ангел в девичьей плоти, а самый, что ни на есть, демон, принявший его обличие.

Подпустила Любава его к себе поближе, отвела из-за спины руку, а в ней серп. И всадила она этот серп прямёхонько Архипу в глаз. Тот в крик. Кровь наружу ручьём. А Любава не успокаивается. Орудует своим инструментом, точно мясник на скотобойне. Сначала второй глаз мучительно выбила, затем вспорола ему живот. А когда тот силы терять начал, схватила его за шкурку, к болоту подтащила и в трясину спихнула. Так он там и утоп.

С той поры в этом болоте многие свою гибель находить начали. Как появится кто у леса, так ему белокурая дива навстречу является. Улыбается, за собой манит, в гости зайти зовёт. А как доведёт плененного её чарами путника до топи — тут же его и кончает. Убьёт и в болоте топит,

чтобы не нашли.

Когда число её жертв перевалило в значительное, решил народ её извести. Устроили ей облаву, пригнали к болоту, окружили и вознамерились верёвками связать, чтобы затем прилюдную казнь учинить. Только не захотела Любава от чужой руки смерть принимать. Поняв, что ей не вырваться, метнула она на солнце прощальный взор, широким крестом себя осенила, и в трясиину бросилась.

— Вот такая история, — заключила Наталья. — Поговаривают, что её призрак до сих пор бродит по лесу и заблудших путников выискивает. Правда это или нет — не знаю. Но, на моей памяти, в тех местах уже несколько человек исчезли. Ушли и не вернулись. Сколько их потом ни искали — так и не нашли. Одному Богу известно, что с ними стало. Валун у развилки помнишь?

— Помню, — кивнул я.

— Вот, по преданию, именно в этом месте Любава своих жертв и караулила. А по тропе, которая сворачивает вправо, их к болоту на погибель вела...

Глава пятая

Центр Навалинска бурлил. Наступили выходные, и народ отрывался на полную. Площадь кишела людьми. Отовсюду слышался смех. С эстрады звучала музыка. На каруселях галдели дети. Самое большое оживление царило в скверике у фонтана. Мы с Натальей сперва тоже хотели расположиться там, но, так и не найдя свободных мест, вынуждены были отказаться от своего намерения.

— Придётся искать другой плацдарм, — разочарованно констатировала моя спутница.

Когда мы вышли из сквера, дорогу нам преградила странная мужеподобная особа в замызганной футболке и потёртом синем трико. На её отсвечивающем синевой лице расплылась противная слащавая улыбка.

— Привет, старуха, — прохрипела она, обращаясь к Наталье. — «Стольника» до завтра не будет?

Моя спутница брезгливо сжала губы, помотала головой и подалась в сторону.

— Кто это? — тихо спросил я.

— Зинка, — ответила Наталья. — Местная пьянчужка. Ходит, бутылки собирает, да деньги кланчит. Бывшая одноклассница. Дай Бог, чтобы только не увязалась. А то ж без палки не отлипнет.

Я украдкой обернулся. Зинка оставалась на месте и озиралась по сторонам. В её длинных,

напоминавших своей консистенцией недоваренные макароны, руках значилась потрёпанная серая авоська.

— Вроде, не увязалась, — произнёс я.

— Слава Богу, — облегчённо выдохнула моя курортная знакомая.

Мы шагали не торопясь, негромко переговаривались на различные темы. Наталья держала меня под руку и приветливо кивала встречавшимся на пути знакомым. Те в ответ улыбались и с нескрываемым любопытством рассматривали меня с головы до ног.

— Чего они на меня так таращатся? — раздражённо пробурчал я.

— Ты новый человек, — разъяснила моя спутница. — Что тут удивительного?

— Им, что, никогда не объясняли, что так вести себя некрасиво?

— У нас не Париж, не Лондон, и даже не Брянск. У нас народ простой, с галантными манерами не знакомый. Так что, уж, не взыщи. Относись к этому снисходительно... О, Зинкин хахаль чешет, Яшка Косой.

Наталья указала глазами на противоположную сторону улицы, по которой брёл высокий худощавый субъект лет тридцати пяти. Симпатий он не внушал. Сухое, морщинистое лицо. Глубокий шрам, пересекавший всю левую щёку. Маленький

тонкогубый рот. Злые, хищные, лишённые какой-либо человечности, глаза, косившие немного в бок, из-за чего он, видимо, и получил свою кличку. Я сразу почувствовал к нему неприязнь.

Пройдя большую часть центральной улицы, мы наконец обнаружили, где можно примоститься. Это было маленькое а-ля «бистро». Полностью свободных столиков в кафе не наблюдалось, но за некоторыми из них сидело по одному человеку. Наталья потянула меня к самому крайнему.

— Здравствуйте, отец Агафоний! — поприветствовала она занимавшего его священника, добродушного пожилого дядечку лет шестидесяти с пышными седыми волосами, спадавшими почти до самых плеч. — Ничего, если мы нарушим ваше уединение?

— Конечно, конечно, — откликнулся он. — Садитесь, пожалуйста.

Свернув прочитанную газету, святой отец изучающе взглянул на меня. Я отвёл глаза и сделал вид, что рассматриваю выставленный на витрине ассортимент напитков.

— Как поживаете? — спросила его моя спутница.

— Нормально, — отвечивал он. — Прихожане заглядывают, службы проводятся. Только вот истинных верующих становится всё меньше и меньше.

— Не может быть, — вступил в разговор я. — Общеизвестно, что народу в церквях сейчас прибавилось.

— Прибавилось, не спору. Но прибавились-то в основном любопытные, — вздохнул отец Агафоний. — Те, кто в вере усматривают лишь веяние моды. Вот вы, молодой человек, если, конечно, не секрет, относите себя к верующим?

Я задумчиво пожал плечами.

— Трудно сказать. Я об этом как-то не задумывался. Церковь я не посещаю, но и атеизм тоже не превозношу.

— Насчёт того, что вы не атеист — это, конечно, хорошо. А, позвольте полюбопытствовать, почему? Ведь вы, судя по возрасту, продукт образования советской эпохи.

Я опять замялся.

— Ну-у-у... наверное, потому, что не считаю наш мир до конца изученным. Наука объяснила многие явления. Это бесспорно. Но не все. Некоторые из них до сих пор остаются загадками. Я думаю, что в религии, если не смотреть на неё лишь поверхностно, содержится немало сведений, которые могли бы оказаться полезными. Сотворение мира, зарождение жизни — здесь сплошь и рядом «белые пятна». Но современный уровень науки не позволяет проникнуть в глубины Библии, Евангелия в той мере, в какой это

необходимо, чтобы всё это познать. Религиозные тексты мы продолжаем воспринимать большей частью как сборники легенд, как нечто, относящееся к древней культуре, но никак не к науке.

В глазах моего собеседника сверкнул пытливый, живой ум.

— Превосходный ответ! С вами очень интересно разговаривать. Вы очень разумно мыслите. Кстати, о загадках. Вы слышали про наши местные тайны?

— Слышал, — ответила за меня Наталья. — Я уже поведала ему про Любавину топь. Правда, он не очень-то в это поверил. Но ему это можно простить. У него же нет вашего опыта. Он же не видел того, что видели вы.

Я недоумённо посмотрел на свою спутницу.

— Ты это о чём?

Священник вскинул брови.

— Разве ты ему обо мне ничего не рассказала?

Наталья виновато улыбнулась.

— Я ещё не успела, дядя Агафон.

— Не успела, или не захотела? — обиженно насупился он. — Небось, решила пощадить репутацию старика в глазах своего приятеля, чтобы он не подумал о нём ничего дурного. Напрасно. Я ничего не стесняюсь, и от своих слов не отказываюсь. Если я сказал, что что-то видел,

значит, я это действительно видел. И мне глубоко безразлично, кто что думает о моём рассудке. Тем более, что подобное на болоте видел не я один...

Нашу беседу прервал грубый, раскатистый бас.

— Ната-а-ашенька!

К столику подошёл высокий, тяжеловесный, румяный богатырь с пышными седыми усами. Весь его облик дышал осознанием собственного величия. Его пухлая шея тонула в мягком воротничке светло-зелёной сорочки, цвет которой прекрасно сочетался с цветом его туфель и брюк. И те, и другие были белыми.

— Здравствуйте, Михаил Григорьевич! — зарделась моя спутница. — Если я правильно понимаю, мы угодили в ваши владения.

— В мои, в мои. Рад вас у себя видеть. Почту, как говорится, за честь. Агафон Пантелеевич, моё почтение. Решили отдохнуть от богоугодных дел?

— Да, что-то в этом роде, — сдержанно пробормотал священник.

Взгляд хозяина «бистро» переместился на меня.

— Это мой друг, — сказала Наталья.

— А-а-а, понимаю, понимаю, — галантно расшаркался «богатырь».

Он передвинул свободный стул от соседнего столика и уселся подле нас.

— Ну что, Наташенька, ещё не надумали продавать свой маркет?

Глаза моей спутницы сощурились.

— Да зачем он вам нужен, Михаил Григорьевич? Что у вас, своих точек мало?

— Не мало, но новый прибыльный актив никогда не помешает. Если надумаете — обращайтесь.

— Хорошо, Михаил Григорьевич, учту.

Хозяин «быстро» дёрнулся, словно спохватившись.

— Ох, простите. Я, наверное, вам помешал...

— Нет, нет, вы нам нисколько не помешали, — успокаивающе промолвил отец Агафоний. — Разговор у нас был не таким уж важным. Так, земная реальность, мистическая материя.

В глазах «богатыря» вспыхнуло озорство.

— Агафон Пантелеевич, вы, часом, не про призраков опять рассказывали?

— Про призраков, — невозмутимо отвечивал тот.

Хозяин «быстро» картинно хлопнул в ладоши. Ему явно хотелось порисоваться перед публикой.

— Счастливый вы человек! Я вот, сколько на свете живу, так ни разу ни одного призрака и не встретил. А вам они на каждом шагу попадаются. Завидую.

На нас стали оборачиваться, но на лице священника не дрогнул ни один мускул.

— Если вы их не встречали — это не значит, что их не существует. Не замыкайте мир на самом себе. И на каждом шагу, как вы изволили выразиться, они мне не попадают. Призраков можно увидеть лишь в строго определённых местах, — такие места называют аномальными, — где исходящая от земли энергетика серьёзно деформирует частотное волновое пространство, благодаря чему ушедшие в иной мир души и становятся видимыми нашему глазу. В обычных же местах, как, например, здесь, они, в силу своих свойств, для людей невидимы.

— И слава Богу! — насмешливо воскликнул хозяин «быстро». — Однако, вы излагаете так, будто вы не служитель церкви, а учёный-физик.

— Физика и религия в вопросах мироздания тождественны, — вскинул указательный палец святой отец. — Просто одни и те же вещи они объясняют по-своему.

— Хм! Вы хотите сказать, что языком физики можно объяснить существование потустороннего мира?

Священник положил газету на столик, чуть отодвинулся, уселся поудобнее, и по-деловому сплёл руки на груди.

— Давайте сначала определимся, что вы

понимаете под термином «потусторонний мир».

«Богатырь» призадумался.

— Мир, в котором обитают те, кто уже умер, — наконец, пояснил он.

— В принципе верно, — кивнул отец Агафоний. — А теперь давайте я поведаю вам про потусторонний мир научным языком. Вы ведь признаёте только естественную науку. Я не ошибаюсь?

— Не вижу в этом ничего странного, — парировал хозяин «быстро».

Священник снисходительно ухмыльнулся.

— А я разве говорю, что это странно? Я просто стараюсь выбрать наиболее понятный и убедительный для вас язык. Так вот, вам известен закон сохранения энергии? Ничто не берётся из ниоткуда, и не исчезает в никуда.

— Он известен любому школьнику.

— Тем лучше. В таком случае вы не будете отрицать, что человек — это, по сути, энергетическая субстанция.

— Не буду.

— Тогда как бы вы ответили на такой вопрос: куда исчезает энергия человека в момент его смерти?

«Богатырь» снова хмыкнул, сцепил руки на животе и забарабанил по нему большими пальцами.

— Ну, и куда же она исчезает? — скривил

губы он.

— Да в том-то и дело, что никуда, — тоном университетского лектора отвечивал отец Агафоний. — Иначе бы это противоречило признанному всеми закону. Покидая угасшее тело, энергия просто переходит в другое квантово-временное измерение, и продолжает существовать уже в нём. Что такое энергия человека? Это его сознание, его душа. После физической смерти тела она становится частью ноосферы и обитает в ней в соответствии с законами и иерархией иного, невидимого нам мира. Да-да, в этом мире есть свои законы. В нём есть и свои сильные, и свои слабые. В нём есть и свои угнетатели, и свои угнетаемые. В нём есть и своё добро, и своё зло. Ведь иной мир является отражением нашего мира. Пусть искривлённым, пусть деформированным, но всё же отражением.

— Нестыковочка! — крикнул хозяин «бистро». — Человеку для поддержания своего физического существования необходимо черпать жизненные ресурсы: что-то есть и что-то пить. А за счёт чего поддерживает своё существование эта ваша душа в так называемом потустороннем мире? Или она, как вечная батарея, не требует подзарядки?

— Отвечаю. Человеческий организм окружает сложная, многомерная структура с огромным

количеством информационных единиц. Она и осуществляет подзарядку почившей души.

«Богатырь» картинно захлопал глазами.

— Не понял.

Отец Агафоний озабоченно кашлянул.

— Как бы вам это лучше объяснить? Давайте оттолкнёмся от понятия «сознание». Сознание — это не материя. Это функция мозга. Но мозг не является генератором сознания. Он всего лишь его коммуникатор, его проводник. Когда мозг перестаёт функционировать, сознание не затухает. Оно продолжает существовать вне мозга...

Докончить свои доводы священнику не удалось. Пространство сотряс грубый окрик.

— Слушай, папаша, прекращай, а! Люди сюда отдыхать пришли, а не выслушивать всякий бред!

Недовольство исходило от пребывавшего под лёгким хмельком невысокого, коротко стриженного крепыша, поглощавшего пиво в компании двух размалёванных девиц. Его инициатива встретила широкую поддержку. Со всех сторон стали раздаваться возгласы:

— Да, и в самом деле, хватит... Уже уши вянут... Мало ему церкви, он ещё тут решил проповедовать... Не кафе, а дурдом... Психушки на него нет... Бармен, сделай погромче музыку!..

Хозяин «быстро» спасовал. Явно обрадовавшись возможности красиво завершить

инициированную им же самим беседу, он вскочил со стула и виновато развёл руками.

— Ничего не поделаешь, воля клиента — закон. Договорим в другой раз.

«Богатырь» направился к барной стойке, а святой отец, тяжело вздохнув, засобирился домой. Он поднялся, взял свою газету, пожелал нам с Натальей хорошего вечера, вышел из-под навеса и скрылся за ближайшим поворотом.

Я сочувственно посмотрел ему вслед. Мне стало его жаль. Всё, что он говорил, представлялось мне разумным и интересным. Но место для подобных тем было явно не подходящее.

Я придвинулся к своей курортной знакомой и, понизив голос, спросил.

— А что это за история, которая с ним связана?

Моя спутница неодобрительно покосилась на галдевшую вокруг публику и наклонилась к моему уху.

— Несколько лет назад отец Агафоний решил провести ночь на Любавиной топи, чтобы проверить, правда ли всё то, что о ней говорят. Когда на следующее утро он вернулся из леса, на нём буквально не было лица: бледный, испуганный, осунувшийся. Поначалу он ни на какие вопросы не отвечал. Но, спустя несколько дней, всё же поведал прихожанам о том, что с ним произошло. По его

словам, легенды о Любавиной топи — не выдумки. Там действительно по ночам бродят призраки. И он их не просто видел, он с ними даже общался. Причём, вступал в контакт чуть ли не с духом самой Любавы. После той ночи он сильно изменился. Стал более богопочтительным. Нет, он и раньше искренне веровал в религию. Но в его службах всё же было больше искусственности, обязательности, которую накладывал на него духовный сан. А сейчас его вера исходит из самого сердца. Она как бы есть его нутро. Естественно, эта история молнией разнеслась по всему городку. Но поверили в неё далеко не все. Многие откровенно крутили пальцем у виска. Отец Агафоний стал предметом насмешек. Сейчас всё это уже как-то поутихло, но тогда ему просто прохода не давали. Как он только смог это выдержать — ума не приложу.

— А как ты сама отнеслась к его истории? — полюбопытствовал я.

— Лукавить не буду, на веру не взяла, — призналась Наталья. — Но и приписывать ему белую горячку тоже не стала. Знаешь, я принадлежу к тому типу людей, которые пока не увидят — не поверят. А я, как и Михаил Григорьевич, ни призраков, ни какой-нибудь другой чертовщины пока воочию не наблюдала...

Мы гуляли до самого вечера, и вернулись домой лишь к сумеркам. Наталья пошла организовывать ужин, а я, чтобы не тратить время зря, решил привести в порядок покосившийся забор. Прибыв к нему новые подпорки, и хорошенько закрепив их в земле, я устало опустился на траву и вытер выступивший на лбу пот.

Солнце зашло за горизонт. В воздухе повеяло ночной прохладой. Со всех сторон застрекотали сверчки. Находиться на улице было приятно, поэтому с возвращением в дом я не торопился. Обхватив руками колени, я поднял глаза и задумчиво уставился на звёзды. Тут до меня донеслись приглушённые голоса. Мимо проходили две старухи.

— Видала, Буцынская себе опять кавалера с курорта притащила, — произнесла одна. — Он к ней, вроде, как благоволит.

— Сбежит, — ехидно усмехнулась другая. — Так же, как и остальные. Как предьявит она ему свой сюрприз — так сразу и сбежит. Он, поди, ещё ничего не знает.

Бабки противно захихикали. Я насторожился...

Глава шестая

Наступил последний день моего пребывания в Навалинске.

Мы встали, позавтракали. Наталья уехала по каким-то своим делам. Я же стал бесцельно слоняться по дому в поисках какого-нибудь занятия.

И почему всё хорошее так быстро кончается? Отпуск завершён, — утёк, точно песок сквозь пальцы, — и мне снова предстоит вернуться в своё серое, однообразное бытие: дебаты, кредиты, счёт-фактуры, накладные, брюзжание вечно чем-то недовольного руководства. Господи, как мне всё это надоело!

А может и вправду остаться у Натальи? Может действительно решиться на столь крутой жизненный поворот?

«Неужели тебе не опостылела такая жизнь? — убеждала меня накануне она. — Неужели ты не устал от одиночества? Переселяйся. Этому дому нужен хозяин. Вольёшься в мой бизнес. Почувствуешь свободу, достаток. Приобретёшь семью»...

Моё внимание привлекла запертая дверь. Почему моя курортная знакомая никогда не открывает эту комнату? Что она там прячет?

Во мне разыграло любопытство. Я наклонился к замочной скважине и отвернул заслонку. Увидеть мне удалось немного. Напротив двери находилось

окно, которое было наглухо завешено шторами. Слева просматривалась деревянная спинка аккуратно застеленной кровати. Справа виднелся письменный стол.

Здесь явно кто-то жил. Может попробовать посмотреть с улицы?

Я обулся и вышел на крыльцо. В будке привычно заворчал Нигер. Он всё ещё продолжал воспринимать меня чужим. Я обогнул дом и остановился подле нужного окна. Но снаружи мне ничего увидеть не удалось. Плотно сомкнутые друг с другом шторы не содержали даже узкой щёлочки. Разочарованно вздохнув, я повернул обратно. И тут меня словно обожгло. За забором стояла и пристально смотрела на меня «чёрная ведьма», — так я про себя окрестил Гоманчиху, ту самую бабу, что проживала на краю улицы. Взгляд её тёмных, с желтоватыми белками, глаз резал острее скальпеля.

— Что вы хотели? — крикнул я.

Старуха, ничего не ответив, направилась в сторону своей хибары. Рядом с ней шагала девочка. Она несколько раз обернулась, пытаясь что-то высмотреть во дворе, но, так и не обнаружив искомого, сосредоточила своё внимание на дороге.

Наталья вернулась после полудня. Она приехала не одна. Вместе с ней порог переступил чернявый, похожий на цыганёнка, мальчик. Увидев

меня, он в нерешительности остановился и крепко прижал к груди какую-то маленькую красную пластмассовую фигурку.

— Ну, что же ты? — ласково проговорила моя курортная знакомая и легонько подтолкнула его вперёд. — Чего ты испугался? Не бойся. Это дядя Серёжа. Подойди и познакомься.

Она взглянула на меня. В её глазах мелькнуло беспокойство.

«Так вот в чём заключается тот самый сюрприз, о котором говорили те старухи! — подумал я. — У неё, оказывается, есть ребёнок!».

Мальчик хмурился и продолжал топтаться на месте. Атмосфера грозила превратиться в угнетающую. Чтобы её разрядить, я решил взять инициативу на себя и, состроив приветливую мину, шагнул ему навстречу.

— Привет. Как тебя зовут?

Ребёнок молчал.

— Ну, чего ты застенялся? — удивлённо воскликнула Наталья и погладила сына по макушке. — Назови своё имя.

Мальчик опустил голову.

— Дима, — выдавил он и нехотя обменялся со мной рукопожатием.

— А меня Сергей, — бодро представился я. — Сколько тебе лет?

— Девять.

— Девять? О, да ты уже взрослый. А что это у тебя такое?

— Спайдермэн.

— Любимая игрушка, — пояснила моя курортная знакомая.

— О-о-о, знаю, знаю. Смотрел о нём фильм. Хочешь быть таким же ловким, как он? — спросил я и дружелюбно потрепал ребёнка по плечу.

Он отстранился. Его лицо продолжало оставаться кислым. Он повернулся к матери.

— Можно я пойду погуляю?

— Можно, — разрешила Наталья. — Но только сначала пообедаешь и переоденешься.

Она подошла к запертой двери и просунула в неё ключ. Так вот, оказывается, кто обитает в этой комнате. Я вернулся в гостиную и плюхнулся на диван.

Во мне бурлила целая палитра чувств. Прояснившиеся реалии хотя и не перевернули всё с ног на голову, однако сделали ситуацию, которая до сих пор казалась ясной и понятной — сложной и неоднозначной. Я был ошеломлён. Я был растерян. Я пылал обидой и чувствовал себя обманутым. Нет, я не был детоненавистником. Но я, как, наверное, и любой другой человек, не пылал восторгом от перспективы воспитывать продукт чужой любви. Ведь чужие дети — это не свои. Как себя ни настраивай, как себя ни заставляй, но той

привязанности, которую дает родная кровь, однозначно не будет. Это не зависит от характера, от воспитания, от устоявшейся морали. Это природа! А против неё, как известно, не попрёшь. Да и мальчишка тоже вряд ли меня примет. Он уже не такой маленький. Он уже многое понимает. Чужой дядька так и останется для него чужим дядькой, как бы тот ни старался выглядеть его отцом. И он мне это уже убедительно продемонстрировал.

Когда Димка умчался на улицу, Наталья зашла в гостиную и уселась подле меня, явно ощущая неловкость. Я придал себе непринуждённый вид, но по озабоченному выражению её лица понял, что от неё не укрылось терзавшее меня раздражение.

— Да, это мой сын, — чётко расставляя слова, тихо произнесла она. — Он был в летнем лагере. Сегодня приехал.

— Ну, сын — так сын, — пожав плечами, пробормотал я, неуклюже попытавшись загнать вглубь свои истинные эмоции. — Мне это, в общем-то...

Тут я запнулся, почувствовав, что ляпнул не в ту степь. Термины «всё равно», «безразлично», «без разницы», обычно употребляемые после такого начала, принимая во внимание наметившуюся серьёзность наших с Натальей отношений,

однозначно сюда не вписывались.

— Но чем он может помешать? — с горечью воскликнула она, не пожелав скрывать, что понимает суть моих сомнений.

— А разве я сказал, что он может помешать? — деликатно парировал я и для убедительности вскинул брови. Но лучше бы я этого не делал. Жест вышел слишком картинным, и моя курортная знакомая это заметила.

— Серёжа, перестань притворяться, — попросила она. — По тебе всё читается.

— Что по мне читается?

— Что баба с «грузом» тебе не нужна.

Я нервно заёрзал.

— Ты неправильно всё восприняла.

— Да всё я правильно восприняла! — в сердцах воскликнула Наталья.

Она откинулась на спинку дивана и горестно воздела глаза к потолку.

— Господи! Что вам, мужикам, ещё надо? Есть баба, в которой уйма нерастраченной любви. Не уродина, обеспечена, не гулящая, и жаждущая только одного — твёрдого плеча и любящего сердца. Приголубь её — и она будет верной тебе до гроба. Ну и что, что она уже пользованная? Совершила глупость по молодости лет. Ну а кто в молодости не глупил? Зачем на неё из-за этого вечное клеймо ставить?

— Наташа, на тебя никто никакого клейма не ставит, — возразил я. — Разве я сказал «нет»?

— Но ты не сказал и «да».

— Не сказал. Мне требуется пауза. Да и тебе тоже. Это слишком серьёзный вопрос, чтобы решать его с бухты-барухты. Спешка здесь неуместна. Нужно всё хорошенько обдумать.

Моя курортная знакомая тяжело вздохнула.

— А и верно!

Она немного помолчала, после чего подалась вперёд.

— Как провёл время? Не скучал?

— Да нет, не скучал. Смотрел телевизор, — обрадовавшись перемене темы, соврал я.

— Никодим не заходил?

— Твой брат? Нет.

— Карасёва не звонила?

— Нет, не звонила.

— Значит в магазине всё нормально. А коли так, можно смело приниматься застряпню.

Наталья посмотрела на меня, натужно улыбнулась, встала и направилась на кухню.

Ужин прошел довольно скверно. Не в смысле еды. Еда была хорошая: вкусная, сытная, аппетитно пахнувшая. Нехорошей была обстановка.

Мы сидели за столом втроём. Я держал себя легко, смеялся, шутил. Моя курортная знакомая старательно мне подыгрывала, но её сына это не

веселило. Он по-прежнему был напряжён, угрюм и неразговорчив. Он вяло ковырял вилкой в тарелке и недружелюбно косился на меня.

— Ему нужно к тебе привыкнуть, — как бы извиняясь, произнесла Наталья, когда мы ложились спать. — Когда он к тебе привыкнет, всё будет хорошо. Вот увидишь. Он у меня спокойный, не хулиганистый, не избалованный. С ним не будет проблем.

— Не беспокойся, всё нормально, — с напускной непринуждённостью отозвался я, и смущённо добавил: — Меня сегодня ваша Гоманчиха напугала.

— Да? — удивлённо отозвалась моя курортная знакомая. — И каким же образом?

— Вышел во двор, смотрю — она за забором стоит. Взглядом, точно рентгеном, просвечивает. Кстати, а почему её так зовут?

— Её фамилия — Гоманцова. Отсюда и пошло.

— А что у неё за девчонка? Внучка?

— Какая там внучка! Какая может быть внучка при отсутствии детей? Приблудная. Она её в лесу где-то нашла. Уже второй год подле себя держит. Серафимой кличет.

— Эта Серафима хоть в школу ходит?

— Какая ей школа? Она же немая. Неужели ты не заметил? Ни друзей, ни подруг. Только с

моим Димкой общается. Он её единственный приятель. Другие дети её не признают. А моему, вот, жалко её стало.

— Как же они друг друга понимают?

— Знаками, жестами.

— А он её бабки не боится?

— Сначала боялся. Потом, видимо, привык. Говорит, что она вовсе не такая страшная, какой сперва кажется.

И Наталья поведала мне историю «чёрной ведьмы».

— Гоманчиха такой угрюмой была не всегда. Старожилы, — те, кому за семьдесят, — помнят её ещё румяной, весёлой, здоровой молодой девкой. Она скакала на лошадях, крутила амуры с ребятами, работала в поле в пору сенокоса. Словом, была как все. Повзрослев, вышла замуж. В брак вступила по любви. Но с ребёнком что-то не заладилось. Когда началась война, ушла с мужем на фронт. Попали под бомбёжку. Супруг погиб. Её контузило. Лечилась в госпитале. А когда вернулась, её словно подменили. Она стала какой-то странной. Перестала улыбаться. Отвечала невпопад. Несла всякую околесицу. Разговаривала сама с собой. Некоторые её выходки откровенно шокировали. Как-то однажды из колхоза увели лошадей. Ясное дело, цыгане. Они этим часто промышляли. А она взяла и, ни с того, ни с сего обвинила в этом

парторга. Подвалила к нему при всех, пальцем ткнула, и как выпалит: «Ты коней увёл!». Потом как-то один дед бабку хоронил. Та уже старая была. Возраст солидный. Смерть естественная. Так она к нему прямо на кладбище подошла, пальцем ткнула: ты, мол, свою жену убил. У деда инфаркт. Через неделю помер. У неё еще много подобных закидонов было. То вором вдруг кого-то назовёт, то мародёром. Но люди на неё не обижались. Понимали: человек больной, после контузии. А спустя какое-то время пошёл слух, что она способна порчу наводить. В доме напротив жили двое мальчишек. Они над ней постоянно издевались. То дразнили, то швыряли в неё земляные комья, то лазили в её огород. И однажды разозлили её капитально. Она к ним подошла, ткнула своей палкой и проговорила: «Вы скоро умрете!». Те в смех: ха-ха-ха, ха-ха-ха! А спустя неделю утонули в озере. Оба. Или вот ещё случай был. Жил здесь один механик. Терентием звали. Шёл как-то раз он по улице пьяный. Гоманчиха навстречу. Тот ей дорогу преградил: а ну, говорит, давай «трёшку» на опохмелку. Она молча мимо. Он ей кулаком в спину — раз! Она навзничь. А он дальше пошёл. Минуло несколько дней, и его находят мертвым. Кровоизлияние в мозг. Инсульт. После этого её стороной обходить стали. От греха подальше. Соседи, когда дом перестраивали, даже

отодвинули его в сторону, чтобы с ней не соприкасаться. Про неё много всяких слухов ходит. Кто говорит, что она ясновидящая. Кто — что с мёртвыми общаться может. Чем человек замкнутее, тем больше о нём ходит всяких небылиц.

— А вдруг она и вправду ясновидящая? — задумчиво пробормотал я. — Вдруг тех коней действительно парторг увёл?

— Может и так, — вздохнула Наталья. — Не знаю. Но я с ней стараюсь не сталкиваться. Оно как-то спокойнее.

— Это точно, — согласился я, вспомнив жгучий Гоманчихин взгляд.

Мы проговорили всю ночь, а утром я уехал. Первым автобусом.

— Ну что, прощаться не будем? — спросила моя курортная знакомая, когда по вокзалу объявили посадку.

Я неопределённо улыбнулся и отвёл взгляд в сторону.

Наталья протянула руки и заботливо разгладила воротник моей рубашки.

— Я буду тебя ждать, — с надеждой прошептала она...

Глава седьмая

Наша следующая встреча состоялась через

месяц.

Лето миновало. Улицы окрасились осенними красками. Хмурое небо раз за разом изрыгало на землю проливные дожди.

— Что, Сергей Петрович, по пляжу скучаете? Вы бы лучше «первичку» побыстрее вбивали, а то опять из-за вас с отчётностью до последнего дотянем.

Я отвернулся от окна и посмотрел на своих сотрудниц. В их глазах играло ехидство.

— Какая ему «первичка», когда перед глазами — курортный роман!

— Сергей Петрович, что же вы никак нам о нём не расскажете?

По комнате прокатились смешки.

Я ничего не ответил, и смиренно положил перед собой очередную накладную. Что можно было сказать трём пожилым мегерам, вынужденным волею жизненных неурядиц проводить свои отпуска дома? Как-то их поддеть? Неразумно. Разозлятся ещё больше и устроят в отместку какую-нибудь подлянку. Бабы есть бабы. Лучше уж смолчать. Но как они учуяли, что у меня в Гаграх был роман? Я же о нём никому ничего не говорил. Даже своим родителям.

А, впрочем, какое это имеет значение? Ведь в нём уже давным-давно поставлена точка. Моя сердечная привязанность к Наталье оказалась не

дуже сильна. Она угасла сразу же, как только я вернулся домой и окунулся в привычный жизненный уклад. Да и какой это был роман! Простое, случайное знакомство, не более, каких в жизни бывает множество...

Так думал я. Но Наталья рассуждала по-другому.

Дверь бухгалтерии распахнулась.

— Здравствуйте.

Я поднял голову. Под сенью полей просунувшейся в комнату эффектной чёрной шляпки значились знакомые черты. Я опешил.

— Серёжа, можно тебя на минутку?

Стряхнув оцепенение, я нерешительно поднялся с места и, сопровождаемый тремя парами любопытных глаз, вышел в коридор.

— Привет.

— Привет.

— Трудисься?

— Тржусь.

— Как трудяга-медоносец в рое трутней?

— Типа того, — кисло улыбнулся я.

Мы спустились на улицу и уселись на скамейку.

— Ты как меня нашла?

— Твои родители подсказали.

Меня обуял ужас.

— Ты что, заходила ко мне домой?

— Ну, да.

Я отчаянно воздел глаза к небу, представив, какой меня вечером ожидает допрос.

— А как ты узнала мой адрес? Я же тебе его, вроде, не оставлял.

Наталья замялась.

— Я как-то случайно открыла твой паспорт, ну и почему-то его запомнила.

— Зачем ты приехала?

— Захотела тебя увидеть. Ты что, разве мне не рад?

— Почему не рад? Рад, — буркнул я.

— Жду тебя, жду. А тебя всё нет и нет. Дай, думаю, сама приеду. Посмотрю, всё ли с тобой в порядке. Димка, вот, тоже про тебя спрашивал. Где, говорит, дядя Серёжа? Почему он всё никак не приезжает?

Насчёт Димки было, конечно, враньём.

Я нервно затеребил пуговицу пиджака. Неужели она ничего не понимает? Неужели её взор застлан иллюзиями? Или я для неё последний шанс, за который она решила отчаянно бороться? Опустила щит перед напирющей реальностью, и ждёт, пока его не обрушат.

— Что же ты молчишь? Ты как, обдумал?

— Пока ещё нет, — промямлил я.

— А когда обдумаешь?

— Не знаю. Тут не всё так просто.

— Что же тут не просто? Тебя что-то держит?

— Ну-у-у... не так, чтобы держит...

— Тебя что-то смущает?

Я озадаченно кашлянул, никак не решаясь перейти на открытый текст, чтобы объяснить своей курортной знакомой нереальность её видов на наше совместное будущее.

Повисла напряжённая тишина. Я скосил глаза. Наталья сидела, ссутулившись, и понуро смотрела на землю. Уловив мой жест, она повернула голову. Я дёрнулся и нервно перевёл взгляд на часы.

— Серёжа, я правильно поняла? Это отказ?

Я достал из кармана платок и вытер нос, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Так это отказ?

Мои ладони сжались в кулаки.

— Да, — с трудом выдавил я.

Моя курортная знакомая помолчала, затем выпрямилась, расправила плечи и поднялась с места.

Во мне заговорило чувство вины. Я вскочил.

— Наташа, пойми, мы с тобой совершенно разные люди...

— Да, да, я понимаю, — отмахнулась она и решительно зашагала прочь.

Я бросился за ней.

— Я тебя провожу.

Но резкий взмах Натальиной руки точно

пригвоздил меня к месту.

— Не надо!

Наталья уселась в стоявшую у обочины «Шевроле-Ниву», завела мотор и скрылась за поворотом. Я продолжал смотреть ей вслед. Меня переполняла неловкость. Меня терзали горечь и стыд. Душу сжигала совесть...

Спустя несколько дней, поздно вечером, когда я уже начинал засыпать, в нашей квартире раздался телефонный звонок. К аппарату подошла мать.

— Сергей, тебя! — крикнула она.

Я с неохотой поднялся с постели и вышел в прихожую.

— Кто это?

— По-моему, та самая женщина, которая к тебе приезжала.

Мои ноги словно налились свинцом. Я озабоченно вздохнул и взял трубку.

— Да?

Голос Натальи звучал хрипло и подавленно.

— Серёжа, у меня пропал Димка.

Из её короткого и сбивчивого рассказа явствовало, что накануне вечером она вместе с сыном пошла гулять в лес. Углубившись в чащобу на порядочное расстояние, она вдруг внезапно потеряла сознание. А когда очнулась — ребёнка не было. Наталья искала его до глубокой темноты, но

так и не нашла. Она в отчаянии бросилась в милицию. Та снарядила поисковую группу. Группа прочёсывала лес весь день, но безрезультатно. Мальчик бесследно исчез.

— Ну, успокойся, возьми себя в руки, — уговаривал её я, с болью в сердце вслушиваясь в доносившиеся из трубки всхлипывания. — Сегодня не нашли — завтра найдут. Твой Димка просто заблудился в лесу. Такое не только с детьми, такое со взрослыми случается. Отыщется. А потом будет с гордостью заливать одноклассникам о своих геройских приключениях.

— Серёжа, я больше не могу, — сквозь слёзы прошептала моя курортная знакомая. — Мне плохо. Я совсем одна. Рядом — никого. Я на грани самоубийства. Я не хочу больше жить...

— Ну, это ты брось! — подчёркнуто строго приказал я. — Не вздумай надумать глупостей! Слышишь? Не вздумай! Я завтра приеду. Поняла? Приеду!

— Ты правда приедешь? — с надеждой спросила Наталья.

— Правда приеду, — пообещал я. — Зайду утром на работу, оформлю отпуск за свой счёт — и сразу на автовокзал. К вечеру буду. Жди.

Я положил трубку, вышел из прихожей, и решительно объявил родителям, что завтра отправляюсь в Навалинск...

Глава восьмая

В сгустившейся синеве неба взошла луна. На землю опустился тяжелый чёрный покров. Дом Натальи был мрачен и тих. От него веяло безжизненностью. Я подошёл к калитке.

«Странная, всё-таки, это штука — аура, — подумалось мне. — Будучи совершенно неосязаемой, не имея ни формы, ни запаха, ни цвета, она, тем не менее, каким-то образом всегда безошибочно улавливается. Очутись сейчас рядом со мной кто-нибудь, кому о Натальином горе абсолютно невдомёк, и попроси я его определить, куда на этой улице нагрязнула беда, он, как пить дать, укажет на дом моей курортной знакомой».

Я повернул ручку, вошёл во двор, и тут же остановился, ожидая услышать яростный лай. Но лая не последовало. Меня это удивило. Нигер всегда добросовестно исполнял свои сторожевые обязанности, и сразу давал знать о своём присутствии, если к забору подходил кто-то чужой. Может его здесь уже нет? Я покосился в сторону будки. Пёс был на месте. Он лежал на земле, положив голову на лапы, и не обращал на меня никакого внимания. Я осторожно сделал несколько шагов. Нигер даже не пошевелился. Я подошёл к дому и нажал на кнопку звонка. Запиликала

заливистая трель. В окне забрезжил свет. Дёрнулась занавеска. Послышались шаги. Щёлкнул замок. Передо мной прорезалась узкая щель, которая тут же превратилась в тускло освещённый прямоугольник. В центре прямоугольника обозначился сгорбленный силуэт.

Наталья выглядела ужасно. Она словно постарела на двадцать лет. Её волосы были беспорядочно растрёпаны, кожа на лице съёжилась, под залитыми краснотой глазами вздулись здоровенные мешки, а на щеках выделялись глубокие впадины.

Я смущённо кашлянул и, ни слова не говоря, подался вперёд. Моя курортная знакомая посторонилась. Я переступил через порог, поставил сумку на пол, скинул ботинки и посмотрел на хозяйку.

— Ужинать будешь? — тихо спросила Наталья.

Я кивнул. Мы прошли на кухню.

— Сварю пельмени. Ничего другого больше нет. Уж извини. Не до стряпни.

Я сел за стол. Хозяйка достала из шкафа кастрюлю, налила в неё воды и, посолив, поставила на огонь, после чего заняла место подле меня. Мы немного помолчали.

— Как это произошло? — нарушил тишину я.
Наталья вздохнула.

— Решили перед сном немного прогуляться. Мы часто совершали такие прогулки. Лес успокаивает, расслабляет: природа, чистый воздух. Подышишь им с час, возвращаешься — и словно заново на свет народился. Все тревоги и волнения куда-то исчезают. Засыпаешь моментально. В голову ничего не лезет. Мы всегда ходили одним и тем же маршрутом. Доберёмся по утоптанной тропинке до поваленной сосны — и обратно.

— Я там был, — вспомнил я. — Место не из приятных.

Хозяйка кивнула.

— Вышли мы, значит, из дома. По пути зашли к Никодиму. Нужно было вернуть взятые у него книги. Он нас ещё квасом угостил. Я не знаю, как он его приготовил, но квас в тот день у него получился особенно вкусным. Мы с Димкой выпили аж по два стакана.

Наталья замолчала. Выдержав небольшую паузу, она понизила голос до шёпота:

— Серёжа, ты меня знаешь. Я никогда не воспринимала всерьёз рассказы о всякой чертовщине, которая, якобы, происходит в наших местах. Но в тот вечер произошло действительно что-то необъяснимое.

Я весь обратился в слух. Наталья сидела, понутив голову, и нервно теребила полы халата. Её лицо приобрело какой-то неестественный

зеленоватый оттенок.

— Когда мы стали подходить к поваленной сосне, я вдруг почувствовала на себе чей-то пронзительный взгляд. Я посмотрела вокруг, но рядом никого не было. Но ощущение, что за мной кто-то наблюдает, не исчезало. Димка, который до этого момента что-то весело напевал себе под нос, вдруг резко смолк. Я посмотрела на него. Он испуганно озирался по сторонам. Очевидно, он почувствовал то же, что и я. Что случилось дальше — я помню очень смутно. Меня внезапно ослепил какой-то свет. Он исходил откуда-то сверху. Я зажмурилась и закрыла лицо руками. После этого меня завертело, закрутило, и я словно провалилась в бездну. Когда я очнулась, было темным-темно. Я лежала на земле. Моё самочувствие было ужасным. Голова ныла. Всё тело болело. А руки и ноги были как будто закатаны в бетон. Я позвала Димку, но он не ответил. Я перепугалась не на шутку. Я вскочила и стала метаться из стороны в сторону: «Дима! Дима!». Но на мой зов откликалось только эхо. Меня охватила паника. Меня затрясло. Я просто не знала, что мне делать. Я продолжала бегать и кричать. Добралась даже до Любавиной топи. Но Димка по-прежнему не отзывался. И тут у меня мелькнула мысль: «А может он, увидев, что я лишилась чувств, помчался за помощью?». Я со всех ног бросилась обратно. Но Димки нигде не

было. Ни на улице, ни в доме. Я помчалась в милицию, всё им рассказала. Меня заверили, что организуют поиски, что ребёнка обязательно найдут. Но пока, вот, всё без толку.

— И что, за два дня — никаких следов?

— Никаких, — помотала головой хозяйка.

Крышка стоявшей на плите кастрюли затряслась. Из-под неё стали пробиваться клубы пара. Наталья вскочила, уменьшила огонь, высыпала во вскипевшую воду замороженные полуфабрикаты и снова уселась напротив меня.

— Нигер какой-то непривычно тихий, — заметил я.

— Переживает, — пояснила Наталья.

— Неужели он обо всём знает?

— Знает. Чувствует. Животные всё чувствуют. Он очень любил Димку. Всегда с ним играл. После его пропажи он даже ничего не ест. Что ни предложу — от всего отворачивается.

Наталья тяжело вздохнула.

— А почему любил? — возразил я. — Почему ты говоришь о своём сыне в прошедшем времени? Не рановато ли ещё его употреблять?

Моя реплика осталась без ответа...

Ночь выдалась ужасной. Находясь под впечатлением от поведанной мне истории, я никак не мог заснуть. Я беспокойно ворочался с боку на

бок и всячески пытался выбросить из головы сопутствовавшие услышанному образы.

... Полумрак... Тишина... Ощетинившиеся и готовые схватить тебя в любую минуту своими кривыми, когтистыми сучьями, сосны... Ощущение присутствия какого-то зла...

Б-р-р!

Вырисовывавшиеся в моём воображении картины были настолько жуткими, что у меня по спине забегали мурашки.

Я покосился на Наталью. Она лежала, не шевелясь, глубоко уткнув голову в подушку. Её спина едва заметно вздымалась в тихом, мерном дыхании.

Наполовину закрывавшие окно лёгкие шёлковые шторы всколыхнулись от ворвавшегося в приоткрытую форточку порыва ветра. До моих ушей донесся шум. Я обернулся. Моё сердце едва не выскочило из груди. За стеклом промелькнул чей-то силуэт.

Я вскочил. Моё дыхание замерло. На лбу выступил холодный пот.

Наталья зашевелилась.

— Ты чего? — зевнула она.

Я нервно сглотнул слюну.

— Сюда кто-то заглядывал.

Хозяйка приподнялась и тревожно покосилась на окно. Мы прислушались, но вокруг всё было

тихо.

— Может тебе показалось?

— Может и показалось, — засомневался я.

— Скорее всего, так оно и есть, — сонно резюмировала моя курортная знакомая, поудобнее устраиваясь на подушке. — Если бы во двор пробрался кто-то чужой, Нигер бы ему спуску не дал...

Глава девятая

Утро выдалось хмурым и пасмурным. Серое асфальтовое небо грозило скорым дождём, а разгулявшийся ветер раз за разом совершал агрессивные наскоки на верхушки деревьев.

— Сейчас позавтракаем, и пойду в милицию, — воинственно выпалила Наталья, нервно нарезая колбасу. — Прошло два дня, а они ни мычат, ни телятся. Ни слуху, ни духу. Они, вообще, хоть чем-то там занимаются? По-моему, ничем. Правильно, это же не их дети пропали. Пропали их чада — они стояли бы на ушах. А насчёт чужих можно не беспокоиться.

Я в знак согласия угукнул и уселся за стол.

Трапеза прошла в угрюмом молчании. В воздухе витало напряжение. Моя курортная знакомая спешно проглатывала бутерброды. Её желваки ходили ходуном, а глаза всё сильнее и

сильнее наливались яростью. Она словно готовила себя к жестокому бою.

— Мне сходить с тобой? — спросил её я, когда стоявшее между нами блюдо опустело.

Наталья категорично замотала головой.

— Не надо. Я и одна справлюсь. Они у меня живо забегают.

Допив чай, она отправилась одеваться. Я принялся мыть посуду.

Облачившись в строгий серый костюм, моя курортная знакомая навела перед зеркалом макияж, повязала волосы в пучок, обула чёрные туфли и, кивнув мне на прощание, стала отпирать входной замок.

Мои уши пронзил дикий, душераздирающий крик. Я выскочил в прихожую.

Лицо Натальи было бледным, как мел. Её расширенные глаза буквально впились куда-то вниз. Проследив за её взглядом, я увидел следующее: верхняя ступенька крыльца была усыпана песком; вдоль её края лежал, похожий на раздавленную гадюку, кусок грязной, бельёвой веревки, а на ступеньке ниже значилась неуклюжая надпись: «Мама я здесь».

Вдали засверкали зигзагообразные молнии. Небо сотряс мощный раскат грома.

Наталья покачнулась и прислонилась к косяку. Её явно мутило. Я взял её под руки и втянул